

АРХЕОЛОГИЯ

ОРУЖИЕ САРМАТСКОГО ВРЕМЕНИ В КРЫМУ И В АЛЬФЁЛЬДЕ

Игорь Николаевич Храпунов¹, Эстер Иштванович², Валерия Кульчар³,
Анастасия Анзоровна Стоянова⁴

¹ Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского, Симферополь, Россия,
igorkhrapunov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

² Музей им. Андраша Йожы, Ньиредьхаза, Венгрия, istvanov@josamuseum.hu,
<https://orcid.org/0000-0002-8979-4622>

³ Университет Сегеда, Сегед, Венгрия, vkulcsar58@gmail.com,
<https://orcid.org/0000-0003-4351-9227>

⁴ Институт археологии Крыма Российской академии наук, Симферополь, Россия,
ancient2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8364-6135>

Аннотация. Продолжая серию статей, имеющих целью сравнительный анализ материальной культуры населения Крыма и Альфёльда, авторы обратились к предметам вооружения. Сходство в предметах вооружения, найденных в Крыму и в Альфёльде, проявляется в однотипности обнаруженных на обеих территориях мечей (с кольцевыми навершиями, без металлических наверший, с вырезами у пяты клинка). В Альфёльде можно обнаружить аналогии почти всем немногочисленным наконечникам копий, найденным в крымских погребениях. На территории Карпатского бассейна копьё несравненно чаще использовались в качестве погребального инвентаря, а их наконечники гораздо более разнообразны, чем в Крыму. Стрелы в Крыму в среднесарматское время опускались в могилы большими наборами, в позднесарматское время – отдельными экземплярами. В Карпатском бассейне стрелы в могилы клали очень редко. И в том, и в другом регионе в качестве оружия употреблялись специальные ножи, но морфологически крымские и альфёльдские экземпляры друг от друга отличаются. Щиты с металлическими умбонами населением Альфёльда использовались несравненно чаще, чем жителями крымских предгорий. Однотипные предметы вооружения не дают возможности судить о сепаратных связях населения обоих регионов. Они общесарматских типов и могли быть доставлены из восточноевропейских степей как в Крым, так и в Альфёльд, или изготовлены на месте по степным образцам.

Ключевые слова: Крым, Альфёльд, Венгрия, сарматы, оружие

Благодарности: Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках проекта № 19-59-23001 «Население горного Крыма и Венгерской низменности в римское время: миграции и контакты» и Венгерского бюро по исследованиям, развитию и инновации (NKFIH) в рамках проекта № 124944 «Онлайн публикация погребений римского времени и ранней эпохи переселения народов Барбарикума Карпатского бассейна».

THE WEAPONRY FROM THE SARMATIAN PERIOD IN THE CRIMEA AND ALFÖLD

Igor N. Khrapunov¹, Eszter Istvánovits², Valéria Kulcsár³, Anastasia A. Stoianova⁴

¹ V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russia, igorkhrapunov@mail.ru,
<https://orcid.org/0000-0002-3961-6297>

² Jósza András Museum, Nyíregyháza, Hungary, istvanov@josamuzeum.hu,
<https://orcid.org/0000-0002-8979-4622>

³ University of Szeged, Szeged, Hungary, vkulcsar58@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-4351-9227>

⁴ Institute of Archaeology of the Crimea, Russian Academy of Sciences, Simferopol, Russia,
ancient2008@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8364-6135>

Abstract. Continuing the series of articles aimed at the making of comparative analysis of the material culture of the populations of the Crimea and Alföld, the authors have addressed the weaponry. The similarity of weapons uncovered in the Crimea and Alföld appears in the same type of swords discovered in both countries (with ring pommels, with no pommel, and with cuts at the beginning of the blade). In Alföld, there are parallels to almost all of the few spear-tips discovered in the Crimean graves. In the Carpathian basin, spears were used as grave goods much more often than in the Crimea, and their tips were much more varied. In the Crimea in the Middle Sarmatian period, they put into graves large sets of arrows, though in the Late Sarmatian period only isolated pieces. In the Carpathian basin, arrows appeared in graves in a very few cases only. In both regions, among the weapons there were specific knives, but the morphology of the Crimean and Alföldian specimens differ. The residents of Alföld used shields with bosses much wider than the population of the Crimean sub-mountainous area. Pieces of weaponry of the same type do not allow the conclusions of separate contacts between the populations of both countries. These artefacts belong to common Sarmatian types; they could be delivered from eastern European steppes both to the Crimea and Alföld, or locally made according to the samples taken from the steppe.

Key words: Crimea, Alföld, Hungary, Sarmatians, weaponry

Acknowledgments: The work was carried out within the framework of project No. 19-59-23001 supported by Russian Foundation for Basic Research and the framework of project No. 124944 supported by Hungarian Bureau for research, development and innovation.

Продолжая серию статей, имеющих целью сравнительный анализ материальной культуры населения Крыма и Альфёльда [33], мы решили обратиться к предметам вооружения. Понятно, что без оружия не мог обойтись ни один древний народ, в том числе и сарматы. Археологические исследования принесли значительное количество предметов вооружения в обоих регионах. Поэтому материал для сравнения имеется.

Крым

В Крыму предметы вооружения представлены мечами, наконечниками копий и стрел, боевыми ножами, топорами и металлическими деталями щитов.

Мечи

Мечи с кольцевым навершием (рис. 1,1). Мечи и кинжалы с кольцевым навершием и прямым перекрестием появились в регионе Поволжья – Приуралья в раннесарматское

время. В среднесарматский период они становятся господствующим типом оружия на всех территориях, заселенных сарматами. В позднесарматское время мечи с кольцевым навершием встречаются гораздо реже, но полностью не исчезают [27, с. 5–12; 25, с. 62, 63, 120–124]. Сводка этого типа оружия, которая теперь может быть дополнена новыми находками, учитывает 500 экземпляров из 300 мест [48]. В степной зоне Северного Причерноморья и примыкающей лесостепи А. В. Симоненко насчитал 74 экземпляра [24, с. 32]. Находки такого оружия не редкость и в Крыму. Только в Усть-Альминском могильнике найдено несколько десятков целых и фрагментированных экземпляров [23, с. 129–131; 29, с. 116; 31, с. 228, 234]. Как и в сарматских степях, мечи помещали в деревянные ножны, покрытые красной кожей, иногда к ножнам крепили металлические украшения, некоторые из ножен имели характерные для сарматских изделий лопасти.

Положение меча вплотную к правому бедру, отмеченное в некоторых крымских могилах, полностью соответствует сарматской традиции, зафиксированной археологическими [27, с. 13] и иконографическими [26, с. 486, 488, 498, 500, 514, 521] источниками. Мечи крепились к бедру с помощью ремней таким образом, чтобы конец меча располагался выше коленного сустава.

Мечи и кинжалы без металлического навершия (рис. 1,2). Единичные экземпляры кинжалов с металлическим перекрестием обнаружены в Усть-Альминском [23, с. 132], Заветнинском [4, с. 294] и Нейзацком [30, с. 535] могильниках. Наиболее ранние из них в Крыму датируются I в. н. э., наиболее поздние – III в. Они относятся к типу 1 сарматских мечей и кинжалов без металлического навершия по классификации А. М. Хазанова. Такие предметы вооружения в Поволжье и на более восточных территориях имеют очень давнюю историю. В позднесарматское время они были распространены наряду с мечами без металлического перекрестия, но встречаются гораздо реже [27, с. 17, 20, 21].

Мечи и кинжалы без металлического перекрестия, найденные практически во всех крымских могильниках римского времени, относятся к типам 2 и 3 по классификации А. М. Хазанова (рис. 1,3–5). Из-за плохой сохранности их не всегда возможно различить. Они представляют собой самый распространенный в позднесарматское время тип оружия [27, с. 17]. В Крыму первые единичные мечи без металлического навершия и перекрестия появились приблизительно на рубеже эр. Их количество значительно возрастает, начиная со II в. н. э. [23, с. 131, 132]. А. В. Симоненко справедливо обратил внимание на преобладание в крымских погребениях второй половины III – IV вв. мечей типа 3 по А. М. Хазанову, с клинком, переходящим в черенок под прямым углом. Он полагает, что мечи типа 3, найденные в Крыму, появились в результате симбиоза сарматских и германских¹ традиций [24, с. 58]. Такое построение представляется излишне усложненным. Мечи типа 3 хорошо известны на сарматских территориях [27, с. 17; 2, с. 171]. Все разновидности мечей из крымских могильников римского времени сарматские, следовательно, согласно принципу бритвы Оккама, длинные мечи без металлического навершия тоже сарматские

¹ Дословно: «...оружие из готских памятников пшеворской и вельбаркской культур», но это какое-то недоразумение: пшеворская культура не была оставлена готами, а в вельбаркских могилах нет оружия.

по происхождению. Все они обладают основными признаками сарматских мечей этого времени: широким (5–6 см) клинком, относительно коротким черенком, отсутствием навершия [2, с. 181].

Мечи лежали, как правило, вдоль погребённого, иногда справа, иногда слева. Их опускали в могилы, вероятно, не надетыми на погребённых – рукояти расположены обычно на уровне черепов. Иногда мечи находились в могиле вместе с портупеей, как об этом позволяют догадываться лежавшие под ними пряжки. В других случаях пряжки отсутствовали.

Мечи с вырезами у пяты клинка (рис. 1,б). Мечи относятся по классификации А. М. Хазанова к типу 5 сарматских мечей и кинжалов [27, с. 17]. Мечи с вырезами сконцентрированы, в основном, в Крыму и на Северном Кавказе, в памятниках IV–V вв., а на Кавказе и в более поздних, вплоть до VII в. Единично встречаются в Нижнем Приднепровье, в Карпатском бассейне, во Франции и в других регионах. Почти во всех случаях, когда они найдены *in situ*, и в Крыму, и на Кавказе, мечи с вырезами лежали на плечах или головах погребённых. Высказаны различные мнения о назначении этого оружия. Для нас сейчас важно отметить, что мечи типа Хазанов 5 в Крыму являются самым распространенным типом вооружения для конца позднеримского времени и начала эпохи переселения народов [обзоры см.: 51; 30, с. 538–545; 19, с. 174, 179, рис. 2–4].

Наконечники копий

В крымских могильниках римского времени найдены листовидные (рис. 2,1), ланцетовидные (рис. 2,2), лавролистные (рис. 2,3) наконечники копий, а также без выделенного пера, четырехгранные или округлые в разрезе наконечники [28, с. 44, рис. 142,8; 30, с. 545–547; 3, с. 254–256; 22, с. 119–123; 1, с. 93, 116, табл. VI,4; 16, с. 129–135; 23, с. 132–134]. Таких находок сделано немного. Для примера, в могильнике Нейзац обнаружено 43 меча и 8 наконечников копий. Малое количество копий в погребениях соответствует выводу А. М. Хазанова о том, что сарматы редко использовали копья как погребальный инвентарь [27, с. 44, 45]. В отличие, кстати сказать, от своих соседей, германских племён и населения Абхазии, в чьих погребениях наконечники копий находят очень часто. В то же время, наблюдение А. В. Симоненко о том, что сарматы обычно клали в могилы сломанные копья [50, S. 208], подтверждение в крымских материалах не находит. Там, где наконечники были найдены *in situ*, они показывают, что копья, вероятно, были положены вдоль стены могилы так, что наконечник находился на уровне плеча или головы погребённого. Судя по размерам могил, копья были короткими, их длина не превышала 1,2–1,6 м. Положение копий скорее соответствует позднескифской традиции [50, S. 213].

Наконечники стрел

На протяжении всего римского времени в Крыму использовались стрелы с железными трехлопастными черешковыми наконечниками (рис. 2,4). Их форма немного варьирует за счет угла между нижними краями лопастей и черенком, выступов,

которые иногда имеются на концах лопастей и т. п.² Стрелы хранили в деревянных, окрашенных красной краской колчанах.

В колчаные наборы среднесарматского времени, обнаруженные в Крыму, довольно часто входило несколько десятков, иногда более сотни стрел [23, с. 137]. Колчаны с таким количеством стрел встречаются в степных сарматских погребениях очень редко [27, с. 37–40; 24, с. 98–101]. В позднесарматское время большие наборы стрел исчезают, остаются лишь единичные экземпляры. Так, в могильнике Нейзац наконечники стрел найдены в четырех погребальных сооружениях из 600, по одному-два экземпляра в могиле. Следует еще отметить, что наконечники стрел из погребений позднеримского времени имеют не треугольную, как в предшествующее время, а ромбовидную головку, что особенно характерно для гуннской эпохи (рис. 2,5). Они соответствуют типу IA классификации И. П. Засецкой гуннских наконечников стрел [10, с. 71; 11, с. 37]. Ромбовидные наконечники стрел встречаются иногда и в сарматских степных погребениях [7, с. 49]. Таким образом, становится очевидным, что стрелы с ромбовидными наконечниками распространились на юге Восточной Европы еще до появления там гуннов.

Боевые ножи

Этот вид оружия выделен по материалам могильника Нейзац (рис. 2,6). Все ножи, названные боевыми, однолезвийные, длиной 17–20 см. Судя по положению в могиле, их носили подвешенными к поясу, на большинстве из них сохранились остатки дерева, по всей вероятности, от ножен [30, с. 545].

Топоры

Боевые топоры в Крыму, как и в сарматских степях, находка редкая [45, с. 456–458; 3, с. 256, 257; 28, с. 51–52; 30, с. 548, 549; 22, с. 123; 16, с. 136–138]. Все они имеют прямой верхний край и серповидное лезвие. Они небольших размеров, менее 20 см в длину. Вполне вероятно, служили метательным оружием.

Распространена точка зрения, в соответствии с которой найденные в Крыму и вообще все северопричерноморские топоры германского происхождения [15, с. 121; 45, р. 458]. Однако по крымским материалам выделяется два типа топоров: с выделенным обухом (рис. 3,1) и без выделенного обуха (рис. 3,2). Первые из них, а это почти все крымские находки, не имеют аналогий в германских культурах, в том числе и в ближайшей к Крыму черняховской [47, р. 337; 20, с. 308], но близки находкам из Абхазии [5, с. 27]. Кроме того, первые такие топоры появились в Крыму задолго до прихода на полуостров германцев [6, с. 88, рис. 28,10]. Поэтому предпочтительной представляется гипотеза об их местном, причерноморском генезисе.

Топоры из могилы № 4 могильника Нейзац [30, с. 548, 549] и из могилы № 85 могильника Дружное [28, с. 51], не имеющие выделенного обуха, относятся к одному типу почти со всеми топорами черняховской культуры. По классификации Г. Киферлинга они могут быть отнесены к западной серии группы 5. Топоры этой серии

² Довольно регулярно в могилах римского времени встречаются скифские бронзовые втульчатые наконечники стрел. Они использовались в качестве украшений, возможно, амулетов.

римского времени и начала эпохи переселения народов обнаружены на территории, помимо черняховской, вельбарской, пшеворской культур, на Эльбе, в юго-западной Германии, в Чехии [46, S. 343, Abb. 7]. Именно эти экземпляры свидетельствуют о северо-западных связях населения крымских предгорий IV в.

Металлические детали щитов

Умбоны и рукояти щитов представляют собой редчайшую находку на заселенных варварами территориях в Крыму. Все они, по единогласному мнению исследователей, оказались в Крыму в результате взаимодействий местного населения с германцами. Два умбона (рис. 3,3,4), а также железная рукоять щита (рис. 3,5) найдены в могильнике Нейзац [30, с. 549–551], два умбона (от одного из них сохранились фрагменты) и рукоять – в могильнике Чатыр-Даг [22, с. 123], умбон – на месте заброшенного позднескифского Южно-Донузлавского городища в северо-западном Крыму [49, S. 326], умбон – на месте грабительских раскопок в центральной части крымских предгорий [12]. Любопытно, что щиты, остатки которых найдены в могильнике Нейзац, попали в Крым задолго до того, как, судя по письменным источникам, на полуострове появились первые германцы. Один из нейзацких умбонов сделан из бронзы, что не характерно для варваров, возможно, он римского производства. Стоит также отметить, что крымские умбоны имеют аналогии не на территории черняховской, а на территории пшеворской и расположенных еще западнее культур.

В Крыму лишь немногих погребённых опускали в могилы вооруженными. Количество погребений с оружием заметно увеличилось в IV в. (главным образом за счет мечей типа Хазанов 5), но и тогда их было немного. Можно сказать, что оружие в могиле – это один из редких показателей высокого социального статуса погребенного.

Чаще всего из предметов вооружения в качестве погребального инвентаря использовались мечи. Возможно, и в реальной жизни мечи являлись наиболее распространённым оружием, но нельзя исключить, что их частое положение в могилы объясняется исключительно религиозными нормами или погребальной практикой.

Типы оружия и его состав почти полностью соответствуют находкам, сделанным при раскопках погребений среднесарматской и позднесарматской археологической культуры во всём её ареале. Исключение составляют топоры, которые кочевыми сарматами практически не использовались. Вероятно, их можно рассматривать как вклад в культуру населения предгорного Крыма позднеримского времени местных, причерноморских земледельческих племён. Единичные топоры, возможно, попадали в Крым из ареала германских племён или были сделаны на месте по германским образцам. Несомненно, в результате сармато-германских взаимодействий в могилах изредка оказывались металлические детали щитов. Относительно бронзового умбона из могильника Нейзац такой уверенности нет, возможно, он римского происхождения.

Римские предметы вооружения очень редко попадали к крымским варварам, причем их детали иногда использовались не по назначению, вероятно, в качестве амулетов [21; 17; 8].

Альфёльд

В Альфёльде предметы вооружения представлены мечами, наконечниками копий и стрел, боевыми ножами и металлическими деталями щитов.

Мечи

Первые сарматы, появившиеся на территории Альфёльда в I в. н. э., оружие в качестве погребального инвентаря не использовали. Наиболее ранние мечи, найденные на Венгерской низменности, имели кольцевые навершия. Обнаружено шесть мечей этого типа (рис. 4,1) [48, р. 96]. Они датируются в пределах рубежа I / II – IV вв. [48, р. 99]. Последняя дата аномальна для степного сарматского мира и для Крыма. Так долго мечи с кольцевым навершием более нигде не использовались.

Наибольшее количество обнаруженных в Альфёльде мечей, как правило, длинные, без металлического навершия (рис. 4,2). Среди них есть римские, есть и сарматские типов 2 и 3 по А. М. Хазанову [53, р. 378–382]. Некоторые из них, как степные сарматские, имеют стеклянные, каменные или металлические навершия (рис. 4,3). Длинные сарматские мечи появляются вместе со всадническим комплексом вещей в конце II в. н. э. из глубин сарматских территорий, в частности, судя по аналогиям, из Нижнего Подонья. Предполагается, что этот комплекс принесли с собой сарматы, участвовавшие в Маркоманских войнах [40; 44].

В Карпатском бассейне найдено восемь мечей с вырезами у пяты клинка типа Хазанов 5 (рис. 4,4). В имеющем датировку контексте обнаружены только два из них. Они относятся к концу IV – V вв. В могильнике Чонград / Csongrád меч лежал у левой бедренной кости, в остальных случаях мечи найдены вне погребений или обстоятельства находки не ясны. Положение меча типа Хазанов 5 у бедра является редчайшим исключением из правила [32, с. 140], в соответствии с которым, как уже говорилось, в их основном ареале мечи с вырезами у пяты клинка клали на головы или плечи погребенных. Высказано предположение о том, что в Карпатский бассейн обсуждаемые мечи принесли аланы Алатея и Сафрака. В Румынии, Венгрии и Франции мечи этого типа во многих случаях найдены в жертвенных контекстах [13].

Наконечники копий

Сарматы, жившие в Альфёльде, в качестве погребального инвентаря широко использовали копья. Их наконечники формально, в принятых терминах можно описать как листовидные, ланцетовидные и лавролистные, понимая, что имеется много вариантов этих форм (рис. 4,5–13) [39]. Использование копий как погребального инвентаря, как уже говорилось, в целом, не характерно для сарматов ни в степном их ареале, ни в Крыму. Формирование новой традиции, возможно, следует рассматривать в контексте взаимодействия сарматов в западной части их ареала с германцами, для которых положение копий в могилы, как раз, очень характерно. Причем речь должна идти о заимствовании именно погребальной традиции, т. к. применение сарматами копий в военных действиях, благодаря наличию письменных и изобразительных источников, сомнений не вызывает.

Наконечники стрел

Характерные для среднесарматской и позднесарматской культур железные трехлопастные черешковые наконечники стрел сарматы, жившие в Альфельде, в качестве погребального инвентаря использовали редко. Их находят в могильниках Чонграда (Кендерфельдек / Kenderföldek и ул. Вербёци / Werbőczy u.), датирующихся IV–V вв. (рис. 5,1). Встречаются экземпляры с треугольными и ромбовидными головками (рис. 5,2) [39, Fig. 2,5–13]. В могильнике Эндрёд-Суйокерест / Endrőd-Szujókereszt обнаружен втульчатый железный наконечник (рис. 5,3). Стрелу с таким наконечником можно было использовать только с помощью так называемого гуннского лука, имевшего значительные размеры и усиленного костяными накладками. Погребение в Эндрёд датируется II в. н. э. В это время гуннские луки попадали в Европу в мизерных количествах, один из них достался сарматскому воину, жившему на территории нынешней Венгрии [43, p. 143].

Сарматы часто находили бронзовые втульчатые наконечники стрел скифского типа (рис. 5,4). Как правило, их превращали в амулеты, опуская в детские и женские погребения, в качестве исключения они попадают и в мужских погребениях [14], иногда, возможно, их использовали по прямому назначению [43, p. 145]. Примеры вторичного использования скифских наконечников стрел в иных культурах, в том числе и в Крыму, многочисленны [9, с. 149; 28, с. 46; 23, с. 136].

Изучение изображений сарматов, в частности на колонне Траяна, позволяет предположить, что они пришли в Карпатский бассейн, используя небольшие луки скифского типа и стрелы с маленькими металлическими наконечниками [43, p. 148].

Боевые ножи

В могилах №№ 29, 30, 54, 56, 58 могильника Мещёсеме, Кишмари-фенек / Mezőszemere, Kismari-fenek сохранились однолезвийные ножи в деревянных ножнах [54, S. 263–266, Abb. 5,16; 6,5; 9,9; 11,8]. Вероятно, их А. Вадаи определила латинским термином *pugio* (кинжал) [54, S. 255, Abb. 2]. Однако отнесение этих находок к предметам вооружения дискуссионно, так как длина предметов, на которые ссылается А. Вадаи, варьирует в пределах 10–19 см [36, p. 10, 11, 30, 33, 34], что не выделяет их из круга обычных ножей.

В некоторых могилах второй половины IV – середины V вв. находят по два ножа. Один из них длинный (19–30 см) и широкий [55, p. 45, 47–48]. В пользу «боевого» характера этих предметов говорит то, что обычно их находят в воинских погребениях [55, p. 54].

Металлические детали щитов

Во многих погребениях сарматского времени в Венгрии найдены железные умбоны щитов (рис. 5, 5–8). Они делятся на две хронологические группы: конца II – начала III вв. и конца IV – начала V вв. Умбоны найдены и в погребениях с кремациями, и в погребениях с ингумациями, в тех, которые связывают с германцами, и в тех, что приписывают сарматам [37]. Очевидно, что беспрецедентное для сарматских территорий количество щитов с металлическими деталями объясняется близ-

ким соседством с германцами. Использовались, конечно, и собственно сарматские щиты, но они не имели металлических деталей (умбона, рукоятки и пр.) [37, р. 70].

Оружие сарматского времени, обнаруженное на территории Альфёльда, можно разделить на три группы: сарматское, римское и германское [38, р. 405]. Даже в тех могилах, которые определяются как сарматские, иногда заметно германское влияние. Вероятно, это обстоятельство во многом определило своеобразие комплекса вооружения альфёльдских сарматов. Конечно, наличие германских предметов вооружения в могиле не обязательно маркирует погребения этнических германцев. Напомним, что в Крыму оружие пшеворского типа появилось задолго до проникновения на полуостров германцев, о котором можно судить по письменным источникам.

Сходство в предметах вооружения, найденных в Крыму и в Альфёльде, проявляется в однотипности обнаруженных на обеих территориях мечей (с кольцевыми навершиями, без металлических наверший, с вырезами у пяты клинка). В Альфёльде нет очень редких и в Крыму мечей без металлических наверший, но с металлическими перекрестиями. В Восточной Венгрии можно обнаружить аналогии почти всем немногочисленным наконечникам копий, найденным в крымских погребениях, исключая только наконечники, не имеющие выделенного пера. На территории Карпатского бассейна копьё несравненно чаще использовались в качестве погребального инвентаря, а их наконечники гораздо более разнообразны, чем в Крыму. Стрелы в Крыму в среднесарматское время опускались в могилы большими наборами, в позднесарматское время – отдельными экземплярами. В Карпатском бассейне стрелы в могилы клали очень редко, но наконечники «гуннского» типа однотипны крымским, как и, в целом, сарматским. И в том, и в другом регионе в качестве оружия употреблялись специальные ножи, но морфологически крымские и альфёльдские экземпляры друг от друга отличаются. Боевые ножи применялись иногда в позднесарматское время степными сарматами, но они иных типов, как правило, биметаллические [18]. Щиты с металлическими умбонами населением Альфёльда использовались несравненно чаще, чем жителями крымских предгорий. Тем не менее, стоит отметить морфологическое тождество отдельных, германских по происхождению, экземпляров, обнаруженных в двух удаленных друг от друга регионах [42, р. 150]. Удивляет отсутствие на территории Карпатского бассейна находок боевых топоров, типичного для германцев оружия, отдельные экземпляры которого есть даже в Крыму.

Однотипные предметы вооружения не дают возможности судить о сепаратных связях населения обоих регионов. Они общесарматских типов и могли быть доставлены из восточноевропейских степей как в Крым, так и в Альфёльд, или изготовлены на месте по степным образцам.

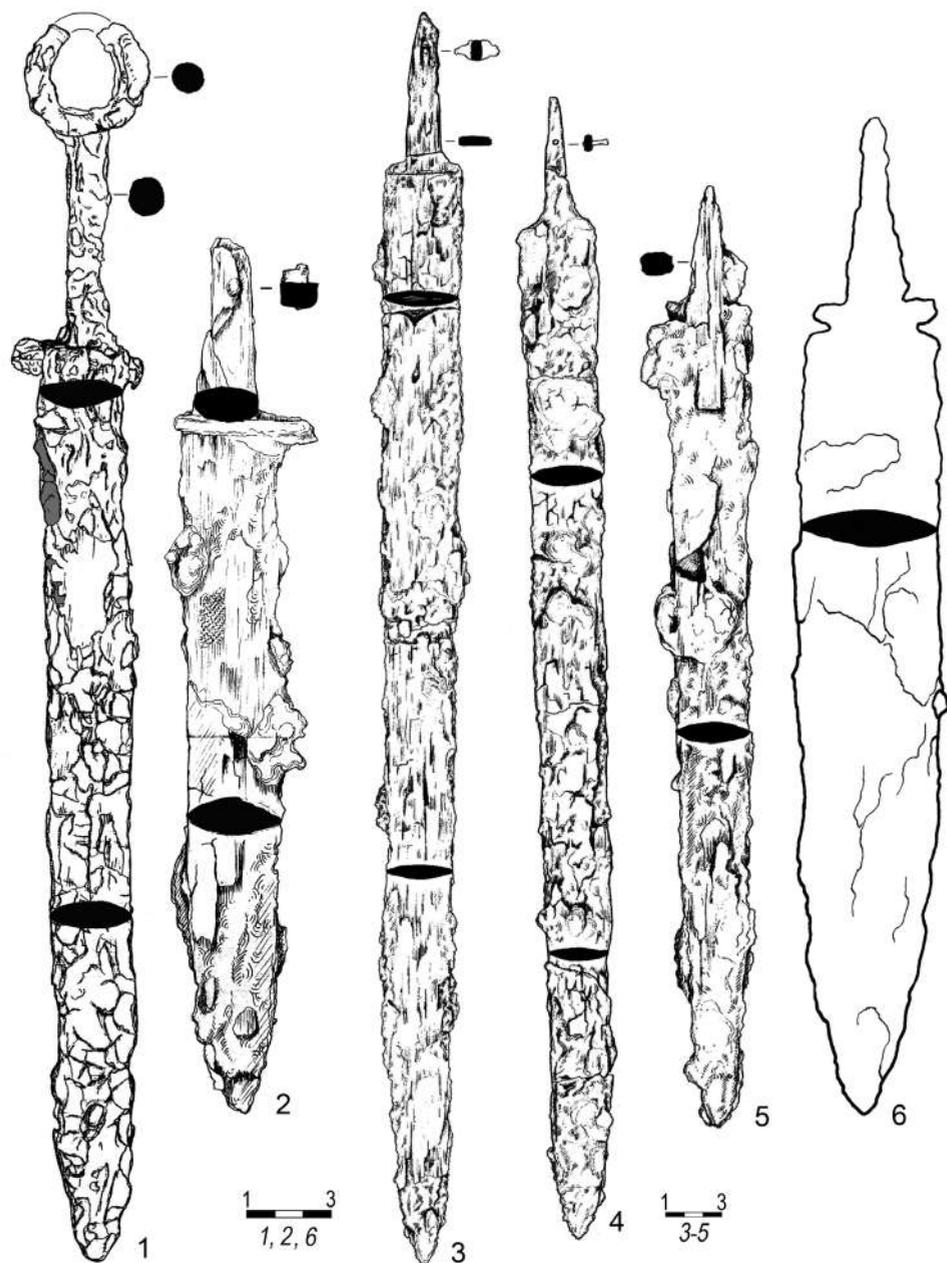

Рис. 1. Мечи. 1 – могильник Опушки, могила № 226; 2 – могильник Нейзац, могила № 306; 3–5 – могильник Нейзац, могила № 275; 6 – могильник Нейзац, могила № 9

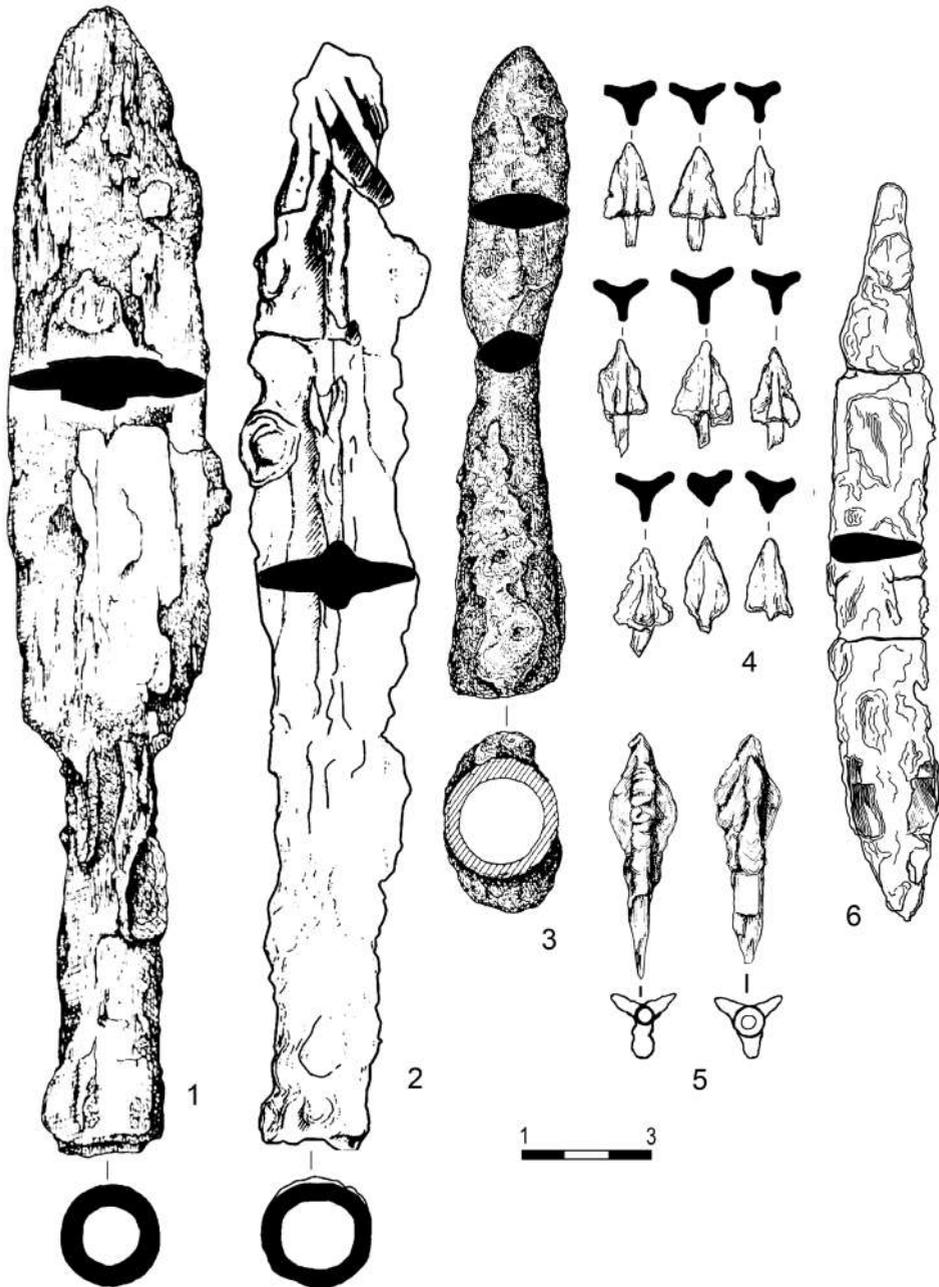

Рис. 2. 1–3 – наконечники копий; 4, 5 – наконечники стрел; 6 – боевой нож.

1 – могильник Нейзац, могила № 60; 2 – могильник Нейзац, могила № 146; 3 – могильник Дружное, могила № 59; 4 – могильник Опушки, могила № 226; 5 – могильник Нейзац, могила № 285; 6 – могильник Нейзац, могила № 146

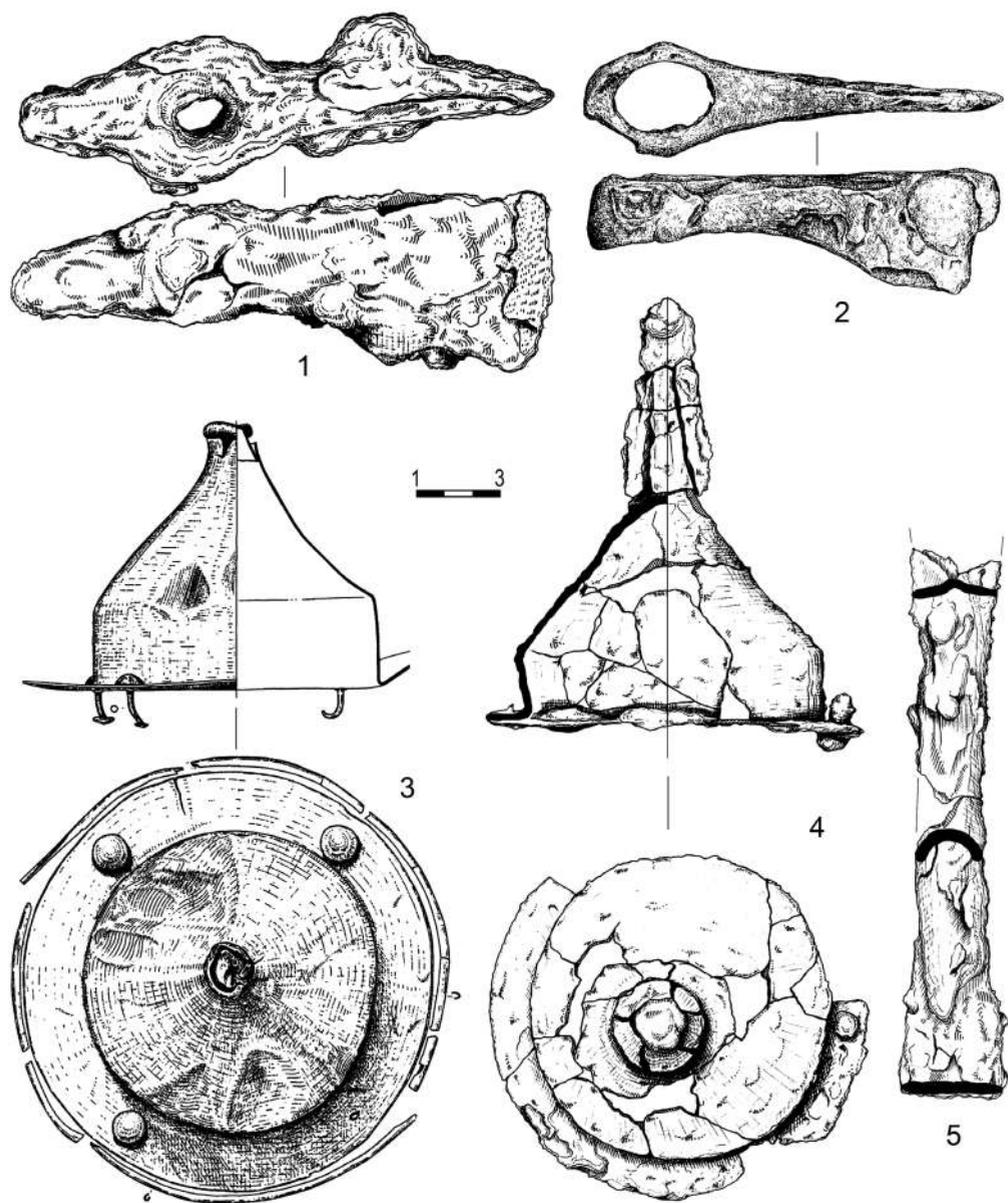

Рис. 3. 1, 2 – топоры; 3, 4 – умбоны щитов; 5 – рукоять щита.

1 – могильник Нейзац, могила № 275; 2 – могильник Дружное, могила № 85; 3 – могильник Нейзац, могила № 152; 4, 5 – могильник Нейзац, могила № 306

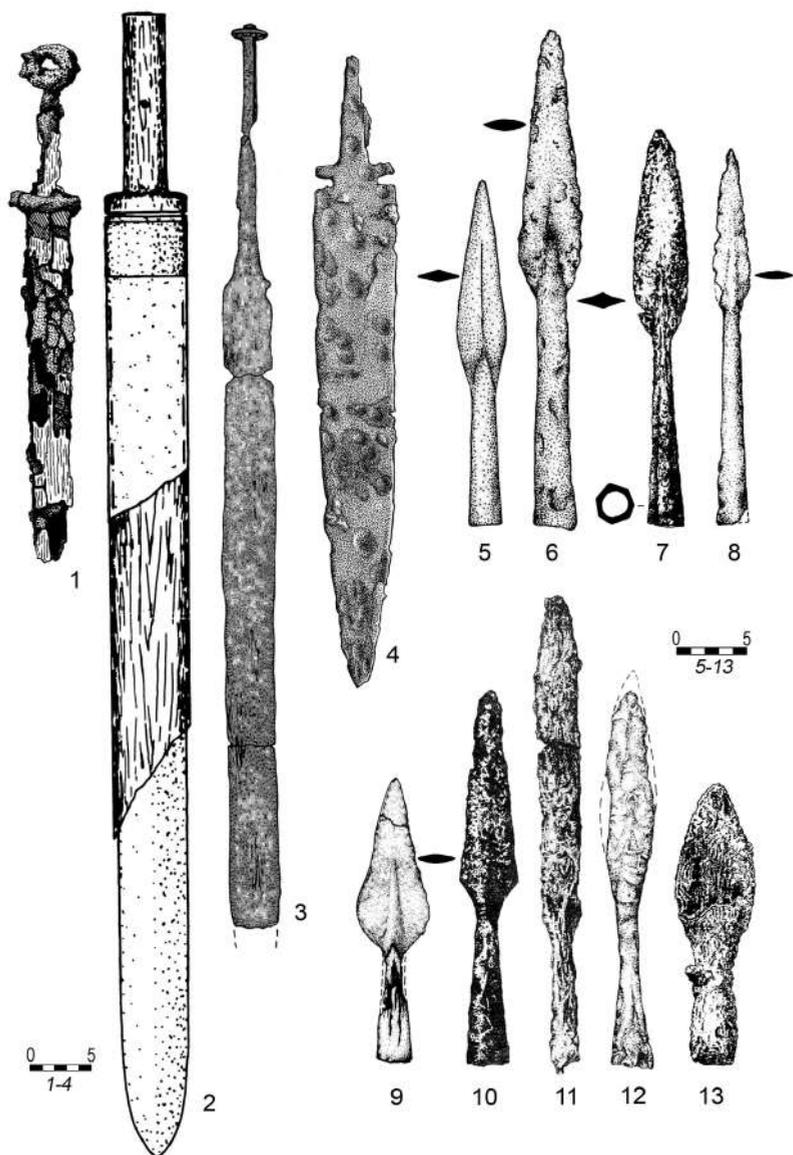

Рис. 4. Типы мечей и копий сармат Алфёльда: 1 – Уйсилваш-Гойаяраш / Újszilvás-Gólyajárás [по: 52, fig. 2]; 2 – Хевиздёрк / Hévizgyörk [по: 35, fig. 16,9B]; 3 – Тёрёксентмиклош-Шурьян / Törökszentmiklós-Surján [по: 53, Abb. 7,6]; 4 – Кишкунфеледхеза-Кёваго-эр / Kiskunfélegyháza-Kővágó-ér [по: 34, fig. 2,3]; 5 – Кунсентмартон / Kunszentmárton; 6 – Чонград-Бержени у. / Csongrád-Berzsenyi u., погр. 4; 7 – Чонград-Кендерфёльдек / Csongrád-Kenderföldek, погр. 137; 8 – Мишкольц-Сирма, Фашкерт / Miskolc-Szirma, Fáskert; 9 – Тисавалк-Кендерфёльдек / Tiszavalk-Kenderföldek, погр. 17; 10 – Чонград-Кендерфёльдек, погр. 13; 11 – Чонград-Кендерфёльдек, подземный материал; 12 – Чонград-Бержени у., погр. 3; 13 – Хортобадь-Порошхат / Hortobágy-Poroshát, погр. VI/26

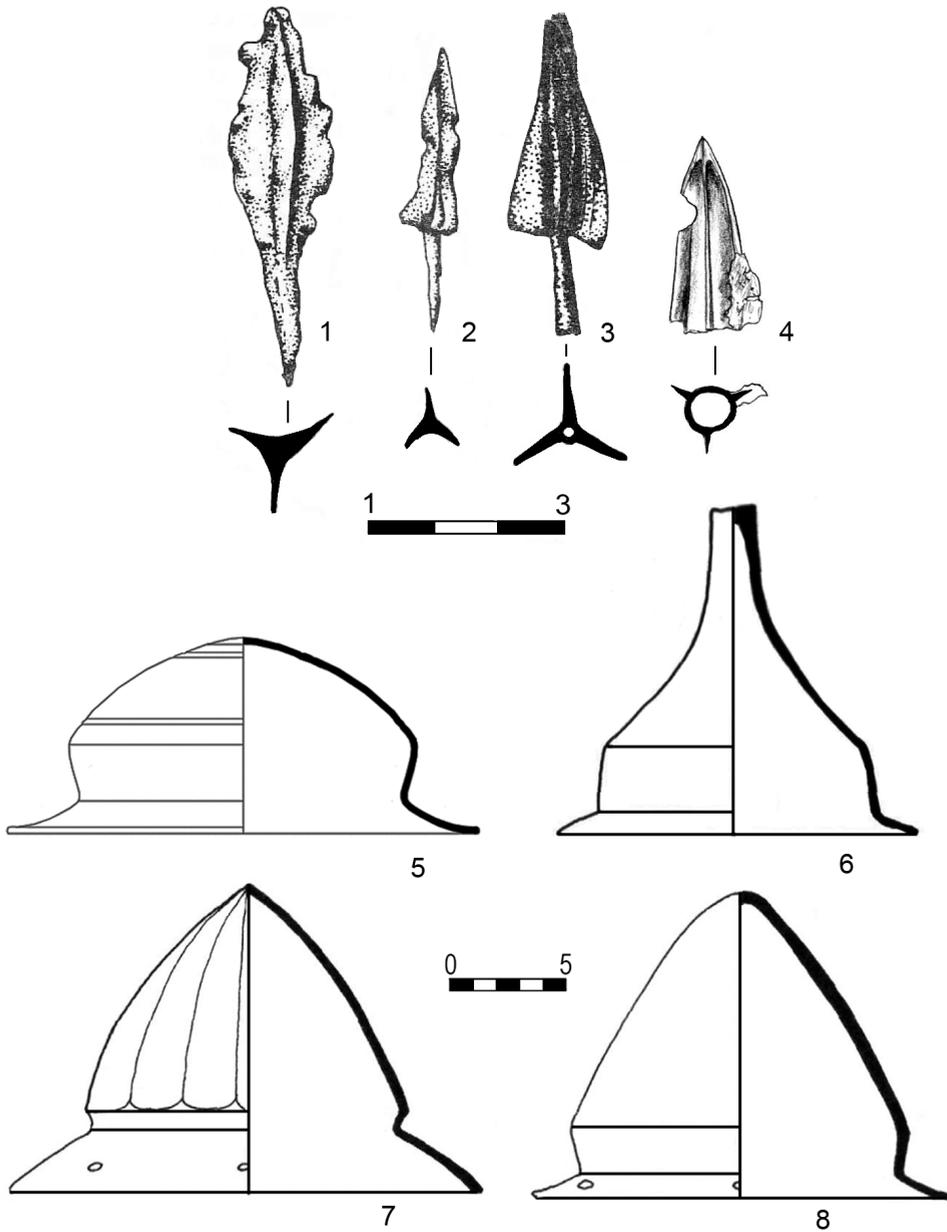

Рис. 5. Наконечники стрел и умбоны щитов сармат Алфёльда: 1 – Чонград-Кендерфёльдек / Csongrád-Kenderföldek, погр. 4; 2 – Мадараш-Халмок / Madaras-Halmok, погр. 144; 3 – Эндрёд-Суйюкерест / Endrőd-Szujókereszt, погр. 133; 4 – Ньиредьхаза, Дьебраш-дюлѐ / Nyíregyháza, Gyebrás-dűlő, погр. 280; 5 – Гестеред / Geszteréd (рисунок Э. Иштванович); 6 – Хортобадь-Порошхат / Hortobágy-Poroshát, погр. II/10; 7 – Тисадоб-Сигет / Tiszadob-Sziget, погр. 34; 8 – Чонград-Бержени у. / Csongrád-Berzsényi u., погр. 4

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бабенчиков В.П. Чорноріченський могильник // Археологічні пам'ятки УРСР. 1963. Т. XIII. С. 90–122.
2. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья) // Сарматы и их соседи на Дону / Ред. Ю.К. Гугуев. Ростов-на-Дону, 2000. С. 169–193.
3. Вознесенская Г.А., Левада М.Е. Кузнечные изделия из могильника Чатырдаг: попытка типологического анализа и технология производства // Сто лет черняховской культуры / Ред. М.Е. Левада. Киев, 1999. С. 252–276.
4. Волошинов А.А., Масыкин В.В. Погребения с оружием из некрополя римского времени у с. Заветное в юго-западном Крыму (раскопки 2005–2006 гг.) // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 291–302.
5. Воронов Ю.Н., Шенкао Н.К. Вооружение воинов Абхазии IV–VII вв. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VII веков / Ред. А.К. Амброз, И.Ф. Эрдели. М.: Наука, 1982. С. 121–165.
6. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. Киев: Киевская Академия Евробизнеса, 1994. 206 с.
7. Гущина И.И., Мошкова М.Г. Курганы у с. Харьковка в Заволжье (раскопки Б.Н. Гракова и П.С. Рыкова в 1925, 1926 гг.) // Проблемы скифо-сарматской археологии / Ред. А.И. Мелюкова. М.: Изд-во Ин-та археологии АН СССР, 1990. С. 26–47.
8. Дорошко В.В., Свиридов А.Н., Языков С.В. Римский кинжал в ножнах из раскопок поселения Фронтное IV (предварительная информация) // XXI Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Объекты искусства в археологическом контексте. Симферополь, Керчь, 2020. С. 327–333.
9. Зайцев Ю.П., Мордвинцева В.И. Подвязные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеллинистического периода // РА. 2003. № 2. С. 135–154.
10. Засецкая И.П. Классификация наконечников стрел гуннской эпохи (конец IV – V вв. н. э.) // История и культура сарматов / Ред. А.С. Скрипкин. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1983. С. 70–83.
11. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV – V вв.). СПб., 1994. 222 с.
12. Захаров В.А., Лобанов В.И., Шаров О.В. Германское погребение в восточном Крыму. Реставрация и предварительная атрибуция находок // Боспорские исследования. 2018. Вып. XXXVII. С. 225–245.
13. Иштванович Э., Кульчар В. Мечи / кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне // Гунны, готы и сарматы между Волгой и Дунаем. СПб.: Ф-т филологии и искусств СПбГУ, 2009. С. 143–151.
14. Иштванович Э., Кульчар В. Мужественные женщины или женственные мужчины? Находки оружия в сарматских женских погребениях Алфёльда // Archaeology and Ancient History of Ukraine, 2020 (в печати).
15. Каргапольцев С.Ю., Бажан И.А. Умбоны щитов и боевые топоры римского времени (к вопросу о хронологии и исторической интерпретации) // Петербургский археологический вестник. 1992. Вып. 2. С. 113–126.
16. Контны Б., Савеля Д.Ю. Вооружение из могильника в Килен-Балке // МАИЭТ. 2006. Вып. XII. С. 129–160.
17. Костромичев Д.А., Масыкин В.В. Бутероль ножен меча типа «Помпеи» из юго-западного Крыма // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху / Ред. Е.В. Смынгына. Киев, 2013. С. 184–207.
18. Кривошеев М.В., Скрипкин А.С. Боевые ножи из комплексов позднесарматского времени // Stratum plus. 2019. № 4. С. 147–154.

19. Левада М.Е. О влиянии аланских военных традиций на восточногерманские народы // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). I / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, Бахчисарай, 2013. С. 171–187.
20. Магомедов Б.В., Левада М.Е. Оружие черняховской культуры // МАИЭТ. 1996. Вып. V. С. 304–323.
21. Масыкин В.В. Деталь римского шлема из Усть-Альминского некрополя // Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гушиной. М., 2012. С. 167–171. (Труды ГИМ. Вып. 191).
22. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг – некрополь римской эпохи в Крыму. СПб.: Нестор–История, 2006. 208 с.
23. Пуздровский А.Е. Крымская Скифия II в. до н. э. – III в. н. э. Погребальные памятники. Симферополь: Бизнес-Информ, 2007. 480 с.
24. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. СПб.: Нестор–История, 2010. 328 с.
25. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1990. 298 с.
26. Трейстер М.Ю. Оружие сарматского типа на Боспоре в I–II вв. н. э. // Древности Боспора. 2010. Вып. 14. С. 484–561.
27. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. М.: Наука, 1971. 169 с.
28. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III–IV вв. нашей эры). Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skladowskiej, 2002. 313 с.
29. Храпунов И.Н. Погребение воина 2 в. н. э. из могильника Опушки // Древняя Таврика / Ред. Ю.П. Зайцев, В.И. Мордвинцева. Симферополь: Универсум, 2007. С. 115–124.
30. Храпунов И.Н. Оружие из могильника Нейзац // Terra Barbarica / Red. A. Urbaniak et al. Lodz, Warszawa, 2010. С. 535–555.
31. Храпунов И.Н. Погребения II в. н. э. из могильника Нейзац // Проблемы истории, филологии, культуры. 2015. Вып. 1(47). С. 216–240.
32. Храпунов И.Н. Склеп с вещами в догуннском полихромном стиле из могильника Опушки // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э. – IV в. н. э.). III / Ред. И.Н. Храпунов. Симферополь, 2018. С. 137–169.
33. Храпунов И.Н., Иштванович Э., Кульчар В., Стоянова А.А. Конская сбруя сарматского времени в Крыму и в Альфельде // МАИЭТ. 2019. Вып. XXIV. С. 12–34.
34. Balogh Cs., Székely Gy. 5. századi alán tör Kiskunfőlegyháza–Kővágó-érről // Cumania. 2018. 28. P. 59–72.
35. Dinnyés I. A hévzgyörki szarmata sírok // Studia Comitatus. 1991. 22. P. 145–183.
36. Domboróczki L., Vaday A. Mezőszemere, Kismari-fenék. Spätkaiser-frühvölkerwanderungs zeitliches Gräberfeldsdetail // Agraria. Az egri Dobó István Vármúzeum Évkönyve. 2001. XXXVII. S. 5–206.
37. Istvánovits E., Kulcsár V. Pajzsos temetkezések a Dunától keletre eső Kárpát-medencei Barbaricumban // A nyíregyházi Jósza András Múzeum Évkönyve. 1992(1987–1989). XXX–XXXII. P. 47–96.
38. Istvánovits E., Kulcsár V. Roman and Germanic elements in the armament of the barrow-graves of the 2nd–3rd centuries A.D. in the Great Hungarian Plain // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, Marburg, 1994. P. 405–416.
39. Istvánovits E., Kulcsár V. Szálfegyverek és íjak a Dunától keletre fekvő kárpát-medencei szarmata Barbaricumban // Altum Castrum. 1995. IV. P. 9–32.
40. Istvánovits E., Kulcsár V. Some traces of Sarmatian–Germanic contacts in the Great Hungarian Plain // Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Neumünster: Wachholtz Verlag, 2003. P. 227–238.
41. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian swords with ring-shaped pommels in the Carpathian Basin // Journal of Roman Military Equipment Studies. 2008. Vol. 16. P. 95–105.

42. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians or Germans: Influence or Ethnic Presence? Old Problem – New Hypotheses // *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea* / Eds. I. Khrapunov, F.-A. Stylegar. Kristiansand, Simferopol: Dolya Publishing House, 2013. P. 146–153.
43. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian Archery in the Carpathian Basin – Revisited // *Honoratissimum assensus genus est armis laudare. Studia dedykowane Profesorowi Piotrowi Kaczanowskiemu z okazji siedmdziesiątej rocznicy urodzin* / Red. R. Madyda-Legutko, J. Rodzińska-Nowak. Kraków: Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagiellonica”, 2014. P. 143–149.
44. Istvánovits E., Kulcsár V., Carnap-Bornheim C. The Barbarian Warrior Burial from Tiszalök-Rázompuszta in the 3rd Century History of the Upper Tisza Region // *Archäologisches Korrespondenzblatt*. 2006. 36. P. 91–110.
45. Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules deboucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten* / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, Marburg, 1994. S. 429–484.
46. Kiefferling G. Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum // *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten* / Hrsg. C. von Carnap-Bornheim. Lublin, Marburg, 1994. S. 335–356.
47. Kokowski A. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques) // *L'armée romaine et les barbares du IIIe à VIIe siècle* / Eds. F. Vallet, M. Kazanski. Condé-sur-Noireau, 1993. S. 335–354. (Mémoires de l'Association française d'archéologie mérovingienne. 5).
48. Sadowski S. Miecz z grobu 8 cmientarzyska Zvenihorod – “Hoeva Hora” na Ukraine. Przyczynek do badań nad rozprzestrzenieniem się mieczy z pierścieniowatym zakończeniem rękojeści // *Sarmaci i germanie* / Red. A. Kokowski. Lublin: Wydawnictwo Uniwersytetu Marii Curie-Skłodowskiej, 2004. S. 265–288.
49. Ščukin M. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances) // *L'armée romaine et les barbares du IIIe à VIIe siècle* / Eds. F. Vallet, M. Kazanski. Condé-sur-Noireau, 1993. S. 323–333. (Mémoires de l'Association française d'archéologie mérovingienne. 5).
50. Simonenko A. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwerzmeergbiet // *Eurasia Antiqua*. 2001. Bd. 7. S. 187–327.
51. Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IVe–VIIe s.) // *МАИЭТ*. 1996. Вып. V. С. 60–76.
52. Tari E. Korai szarmata sír Újszilváson // *A kökortól a középkorig. Tanulmányok Trogmayer Ottó tiszteletére*. Szeged: Szerk. Lőrinczy Gábor, 1994. P. 259–264.
53. Vaday A. Sarmatisches Gräberfeld in Törökszentmiklos-Surján-Ujtelep // *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1985. 37. P. 345–390.
54. Vaday A. Militia intermis, militia armata. Bemerkungen zur Frage des Limes Sarmatiae // *Slovenská Archeológia*. 2001. XLIX. P. 249–276.
55. Vörös G. Fegyveres sírok az Alföldön a IV. század második fele és az V. század közepe között // *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*. 1988 (1989). 1. P. 41–58.

REFERENCES

1. Babenchikov V.P. Chornorichens'kii mogil'nik. *Arkheologichni pam'iatki* URSR, Kiev, 1963, T. XIII, pp. 90–122.
2. Bezuglov S.I. Pozdnesarmatskie mechi (po materialam Podon'ia). Guguev Iu.K. (ed.), *Sarmaty i ikh sosedi na Donu*, Rostov-na-Donu, 2000, pp. 169–193.
3. Voznesenskaia G.A., Levada M.E. Kuznechnye izdeliia iz mogil'nika Chatyrdag: popytka tipologicheskogo analiza i tekhnologiiia proizvodstva. Levada M.E. (Ed.), *Sto let cherniakhovskoi kul'tury*, Kiev, 1999, pp. 252–276.

4. Voloshinov A.A., Masiakin V.V. Pogrebeniia s oruzhiem iz nekropolia rimskogo vremeni u s. Zavetnoe v iugo-zapadnom Krymu (raskopki 2005–2006 gg.). Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (Eds.), *Drevniaia Tavrika*, Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 291–302.
5. Voronov Iu.N., Shenkao N.K. Vooruzhenie voinov Abkhazii IV–VII vv. Ambroz A.K., Erdeli I.F. (Eds.), *Drevnosti epokhi Velikogo pereseleniia narodov V–VII vekov*, Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 121–165.
6. Vysotskaia T.N. *Ust'-Al'minskoe gorodishche i nekropol'*. Kiev, Kievskaiia Akademiia Evrobiznesa Publ., 1994, 206 p.
7. Gushchina I.I., Moshkova M.G. Kurgany u s. Khar'kovka v Zavolzh'e (raskopki B.N. Grakova i P.S. Rykova v 1925, 1926 gg.). Meliukova A.I. (Ed.), *Problemy skifo-sarmatskoi arkheologii*, Moscow, Institut arkheologii AN SSSR Publ., 1990, pp. 26–47.
8. Doroshko V.V., Sviridov A.N., Iazikov S. . Rimskii kinzhal v nozhnakh iz raskopok poseleniia Frontovoe IV (predvaritel'naia informatsiia). *Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii "XXI Bosporskie chteniia. Bospor Kimmeriiskii i varvarkii mir v period antichnosti i srednevekov'ia. Ob"ekty iskusstva v arkheologicheskoi kontekste"*, Simferopol, Kerch, 2020, pp. 327–333.
9. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. Podviaznye fibuly v varvarkikh pogrebeniiaakh Severnogo Prichernomor'ia pozdneellinisticheskogo perioda. *Rossiiskaia arkheologiia*, 2003, No. 2, pp. 135–154.
10. Zasetskaia I.P. Klassifikatsiia nakonechnikov strel gunnskoi epokhi (konets IV – V vv. n. e.). Skripkin A.S. (Ed.), *Istoriia i kul'tura sarmatov*, Saratov, Saratovskiy universitet Publ., 1983, pp. 70–83.
11. Zasetskaia I.P. *Kul'tura kochevnikov iuzhnorusskikh stepei v gunnskuui epokhu (konets IV – V vv.)*. St-Petersburg, 1994, 222 p.
12. Zakharov V.A., Lobanov V.I., Sharov O.V. Germanskoe pogrebenie v vostochnom Krymu. Restavratsiia i predvaritel'naia atributsiia nakhodok. *Bosporskie issledovaniia*, 2018, Vol. XXXVII, pp. 225–245.
13. Ishtvanovich E., Kul'char V. Mechi / kinzhaly s bokovymi vyrezami v Karpat'skom basseine. *Gunny, goty i sarmaty mezhdru Volgoi i Dunaem*, St-Petersburg, Fakultet filologii i iskusstv SpbGU Publ., 2009, pp. 143–151.
14. Ishtvanovich E., Kul'char V. Muzhestvennye zhenshchiny ili zhenstvennye muzhchiny? Nakhodka oruzhiia v sarmatskikh zhenskikh pogrebeniiaakh Alfel'da. *Archaeology and Ancient History of Ukraine*, 2020 (in print).
15. Kargapol'tsev S.Iu., Bazhan I.A. Umbony shchitov i boevye topory rimskogo vremeni (k voprosu o khronologii i istoricheskoi interpretatsii). *Peterburgskii arkheologicheskii vestnik*, 1992, Vol. 2, pp. 113–126.
16. Kontny B., Savelia D.Iu. Vooruzhenie iz mogil'nika v Kilen-Balke. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2006, Vol. XII, pp. 129–160.
17. Kostromichev D.A., Masiakin V.V. Buterol' nozhen mecha tipa «Pompei» iz iugo-zapadnogo Kryma. Smyntyna E.V. (Ed.), *Varvarkii mir severopontiiskikh zemel' v sarmatskuui epokhu*, Kiev, 2013, pp. 184–207.
18. Krivosheev M.V., Skripkin A.S. Boevye nozhi iz kompleksov pozdnesarmatskogo vremeni. *Stratum plus*, 2019, No. 4, pp. 147–154.
19. Levada M.E. O vliianii alanskikh voennykh traditsii na vostochnogermanskii narody. Khrapunov I.N. (Ed.), *Krym v sarmatskuui epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. Vol. I, Simferopol, Bakhchisarai, 2013, pp. 171–187.
20. Magomedov B.V., Levada M.E. Oruzhie cherniakhovskoi kul'tury. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 1996, Vol. V, pp. 304–323.
21. Masiakin V.V. Detal' rimskogo shlema iz Ust'-Al'minskogo nekropolia. *Evraziia v skifo-sarmatskoe vremia. Pamiati Iriny Ivanovny Gushchinoi*, Moscow, 2012, pp. 167–171.
22. Myts V.L., Lysenko A.V., Shchukin M.B., Sharov O.V. *Chatyr-Dag – nekropol' rimskoi epokhi v Krymu*. St-Petersburg, Nestor-Istoriia Publ., 2006, 208 p.
23. Puzdrovskii A.E. *Krymskaia Skifiia II v. do n. e. – III v. n. e. Pogrebal'nye pamiatniki*. Simferopol, Biznes-Info Publ., 2007, 480 p.

24. Simonenko A.V. *Sarmatskie vsadniki Severnogo Prichernomor'ia*. St-Petersburg, Nestor–Istoriia Publ., 2010, 328 p.
25. Skripkin A.S. *Aziatskaia Sarmatiia*. Saratov, Saratovskii universitet Publ., 1990, 298 p.
26. Treister M.Iu. Oruzhie sarmatskogo tipa na Bospore v I–II vv. n. e. *Drevnosti Bospora*, Moscow, 2010, Vol. 14, pp. 484–561.
27. Khazanov A.M. *Ocherki voennogo dela sarmatov*. Moscow, Nauka Publ., 1971, 169 p.
28. Khrapunov I.N. *Mogil'nik Druznoe (III–IV vv. nashei ery)*. Lublin, Universitet Marii Curie-Skladowskiej Publ., 2002, 313 p.
29. Khrapunov I.N. Pogrebenie voina 2 v. n. e. iz mogil'nika Opushki. Zaitsev Iu.P., Mordvintseva V.I. (Eds.), *Drevniaia Tavrika*, Simferopol, Universum Publ., 2007, pp. 115–124.
30. Khrapunov I.N. Oruzhie iz mogil'nika Neizats. Urbaniak A. et al. (Eds.), *Terra Barbarica*, Lodz, Warsawa, 2010, pp. 535–555.
31. Khrapunov I.N. Pogrebeniia II v. n. e. iz mogil'nika Neizats. *Problemy istorii, filologii, kul'tury*, 2015, Vol. 1(47), pp. 216–240.
32. Khrapunov I.N. Sklep s veshchami v dogunnskom polikhromnom stile iz mogil'nika Opushki. Khrapunov I.N. (Ed.), *Krym v sarmatskuiu epokhu (II v. do n. e. – IV v. n. e.)*. Vol. III, Simferopol, 2018, pp. 137–169.
33. Khrapunov I.N., Ishtvanovich E., Kul'char V., Stoianova A.A. Konskaia sbruaia sarmatskogo vremeni v Krymu i v Al'fel'de. *Materialy po arkheologii, istorii i etnografii Tavrii*, 2019, Vol. XXIV, pp. 12–34.
34. Balogh Cs., Székely Gy. Fifth Century Alan Dagger from Kiskunfélegyháza – Kővágó-ér. *Cumania*, 2018, 28, pp. 59–72.
35. Dinnyés I. Sarmatian graves from Hévízgyörk. *Studia Comitatus*, 1991, 22, pp. 145–183.
36. Domboróczki L., Vaday A. Mezőszemere, Kismari-fenék. Spätkaiser-frühvölkerwanderungs zeitliches Gräberfeldsdetail. *Agria. Az egri Dobó István Vármúzeum Évkönyve*, 2001, XXXVII, pp. 5–206.
37. Istvánovits E., Kulcsár V. Schild-Bestattungen im östlich der Donagelegenen Barbaricum des Karpatenbeckens. *A nyíregyházi Jósa András Múzeum Évkönyve*, 1992, XXX–XXXII, pp. 47–96.
38. Istvánovits E., Kulcsár V. Roman and Germanic elements in the armament of the barrow-graves of the 2nd–3rd centuries A.D. in the Great Hungarian Plain. Carnap-Bornheim C. (Hrsg.), *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in der ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin, Marburg, 1994, pp. 405–416.
39. Istvánovits E., Kulcsár V. Stichwaffen und Bögen östlich der Donau gelegenen sarmatisches Barbaricum des Karpatenbeckens. *Altum Castrum*, 1995, IV, pp. 9–32.
40. Istvánovits E., Kulcsár V. Some traces of Sarmatian–Germanic contacts in the Great Hungarian Plain. Carnap-Bornheim C. (Hrsg.), *Kontakt – Kooperation – Konflikt. Germanen und Sarmaten zwischen dem 1. und dem 4. Jahrhundert nach Christus*, Neumünster, Wachholtz Verlag, 2003, pp. 227–238.
41. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian swords with ring-shaped pommels in the Carpathian Basin. *Journal of Roman Military Equipment Studies*, 2008, Vol. 16, pp. 95–105.
42. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatians or Germans: Influence or Ethnic Presence? Old Problem – New Hypotheses. Khrapunov I., Stylegar F.-A. (Eds.), *Inter Ambo Maria. Northern Barbarians from Scandinavia towards the Black Sea*, Kristiansand, Simferopol, Dolya Publ., 2013, pp. 146–153.
43. Istvánovits E., Kulcsár V. Sarmatian Archery in the Carpathian Basin – Revisited. Madyda-Legutko R., Rodzińska-Nowak J. (Eds.), *Honoratissimum assensus genus est armis laudare. Studia dedykowane Profesorowi Piotrowi Kaczanowskiemu z okazji siedmdziesiątej rocznicy urodzin*, Kraków, Towarzystwo Wydawnicze „Historia Iagiellonica”, 2014, pp. 143–149.
44. Istvánovits E., Kulcsár V., Carnap-Bornheim C. The Barbarian Warrior Burial from Tiszalök-Rázompuszta in the 3rd Century History of the Upper Tisza Region. *Archäologisches Korrespondenzblatt*, 2006, 36, pp. 91–110.
45. Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules deboucliers et les haches de l'époque romaine tardive dans la région pontique: origine et diffusion. Carnap-Bornheim C. (Hrsg.), *Beiträge zu römischer und*

- barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin, Marburg, 1994, pp. 429–484.
46. Kieferling G. Bemerkungen zu Äxten der römischen Kaiserzeit und der frühen Völkerwanderungszeit im mitteleuropäischen Barbaricum. Carnap-Bornheim C. (Hrsg.), *Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten*, Lublin, Marburg, 1994, pp. 335–356.
47. Kokowski A. L'art militaire des Goths à l'époque romaine tardive (d'après les données archéologiques). Vallet F., Kazanski M. (Eds.), *L'armée romaine et les barbares du IIIe à VIIe siècle*, Condé-sur-Noireau, 1993, pp. 335–354.
48. Sadowski S. Miecz z grobu 8 cmientarzyska Zvenihorod – “Hoeva Hora” na Ukraine. Przyczynek do badań nad rozprzestrzenieniem się mieczy z pierścieniowatym zakończeniem rękojeści. Kokowski A. (Ed.), *Sarmaci i germanie*, Lublin, Uniwersytet Marii Curie-Skłodowskiej Publ., 2004, pp. 265–288.
49. Šćukin M. A propos des contacts militaires entre les Sarmates et les Germains à l'époque romaine (d'après l'armement et spécialement les umbo de boucliers et les lances). Vallet F., Kazanski M. (Eds.), *L'armée romaine et les barbares du IIIe à VIIe siècle*, Condé-sur-Noireau, 1993, pp. 323–333.
50. Simonenko A. Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwermzeergbiet. *Eurasia Antiqua*, 2001, Bd. 7, pp. 187–327.
51. Soupault V. A propos de l'origine et de la diffusion des poignards et épées à encoches (IVe–VIIe s.). *Materiały po archeologii, historii i etnografii Tawrii*, 1996, Vol. V, pp. 60–76.
52. Tari E. Early Sarmatian grave from Újszilvás. *A kőkortól a középkorig. Tanulmányok Trogmayer Ottó tiszteletére*, Szeged, 1994, pp. 259–264.
53. Vaday A. Sarmatisches Gräberfeld in Törökszentmiklos-Surján-Ujtelep. *Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae*, 1985, 37, pp. 345–390.
54. Vaday A. Militia intermis, militia armata. Bemerkungen zur Frage des Limes Sarmatiae. *Slovenská Archeológia*, 2001, XLIX, pp. 249–276.
55. Vörös G. Begräbnisstätten mit Waffen auf der ungarischen Tiefebene von der zweiten Hälfte des 4. bis zur Mitte des 5. Jahrhunderts. *A Móra Ferenc Múzeum Évkönyve*, 1988 (1989), No. 1, pp. 41–58.

Информация об авторах

Храпунов И. Н. – доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского, Researcher ID: A-7582-2019.

Иштванович Э. – кандидат исторических наук, археолог-музеевед Музея им. Андраша Ёожа, Researcher ID: ABA-5458-2020.

Кульчар В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры археологии Университета Сегеда, Researcher ID: ABA-5451-2020.

Стоянова А. А. – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН, Researcher ID: ABA-4684-2020.

Information about the authors

Khrapunov I. N. – Doctor of Science (History), Professor at the Ancient and Mediaeval History Department at the Taurida Academy of the V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Researcher ID: A-7582-2019.

Istvánovits E. – PhD, Archaeologist-Museologist at the Jóna András Museum, Researcher ID: ABA-5458-2020.

Kulcsár V. – PhD, Associate Professor at the Department of Archaeology of the University of Szeged, Researcher ID: ABA-5451-2020.

Stoyanova A. – Candidate of Science (History), Senior Researcher at the Institute of Archaeology of the Crimea of RAS, Researcher ID: ABA-4684-2020.